

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ИНУХИКО ЁМОТА

ТЕОРИЯ
КАВАИИ

Культура повседневности

Инухико Ёмота

Теория каваяи

«НЛО»

2006

Ёмота И.

Теория каваяи / И. Ёмота — «НЛО», 2006 — (Культура повседневности)

Современная японская культура обогатила языки мира понятиями «каваяи» и «кавайный» («милый», «прелестный», «хорошенький», «славный», «маленький»). Как убедятся читатели этой книги, Япония просто помешана на всем милом, маленьком, трогательном, беззащитном. Инухико Ёмота рассматривает феномен каваяи и эволюцию этого слова начиная со средневековых текстов и заканчивая современными практиками: фанатичное увлечение мангой и анимэ, косплей и коллекционирование сувениров, поклонение идол-группам и «мимимизация» повседневного общения находят здесь теоретическое обоснование. Сопоставляя каваяи с другими уникальными понятиями японской эстетики, автор размышляет, действительно ли каваяи представляет культуру Японии? Инухико Ёмота – известный японский ученый-гуманитарий: семиотик, литературовед, киновед, переводчик, приглашенный профессор в нескольких японских и зарубежных университетах, автор почти ста книг.

Содержание

Предисловие переводчика	6
Об авторе	7
На подступах к каваяи	8
Особенности жизни в современной Японии	12
Как наука может говорить о каваяи?	15
Каваяи в русской литературе. Краткий обзор	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Инухико Ёмота

Теория каваяи

© 2006 YOMOTA Inuhiko. Все права защищены. Впервые опубликовано в Японии.
Перевод на русский язык публикуется по соглашению с Инухико Ёмота и THE SAKAI AGENCY.,

© А. Беляев, перевод с японского, вступительная статья, 2018,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Предисловие переводчика

Александр Беляев

Слово *каваяи* – самое частое оценочное прилагательное в японской речи 1990 – 2000-х годов. Сейчас, судя по всему, спрос на него падает, но как само слово, так и соответствующая предметная область продолжают играть огромную роль в Японии и за ее пределами. Автор этой книги, профессор Инухико Ёмота, признается, что *каваяи* – понятие трудноуловимое и оттого трудноописываемое, однако действительно значимое и даже проблемное для современной культуры, преимущественно молодежной. «Теория *каваяи*» – пионерское исследование, и в этом его отдельная ценность. Тем, кто сталкивался с явлением, наверняка будет любопытно узнать, как его изучает современный японский исследователь, сопоставить его соображения, наблюдения и пафос с собственной интуицией. Но и для тех, кто никогда не сталкивался с *каваяи*, эта книга вполне может оказаться интересной просто потому, что она про японскую культуру вообще. По своему пусть и скромному, но все же опыту слушания японских лекций и чтения японской эссеистики я точно знаю: *о чем* говорит или пишет японский профессор – совершенно неважно. Если он профессор, что называется, крутой, матерый, многоопытный и всякое повидал – интерес и интеллектуальная пища гарантированы. Разумеется, это относится не только к японским профессорам (ремарка для тех, кому вдруг придет в голову причислить меня к клану мифологизирующих и воспевающих японскую уникальность и неповторимость).

Передо мной как автором предисловия встают несколько непростых задач.

Первая и главная: как-то сообщить читателю (которого, надо сказать, я представляю себе весьма приблизительно), что называется, *о чем эта книга*. Здесь сразу же возникает следующая трудность: к кому обращено мое предисловие? К фанатам манги и анимэ, к косплейщикам, которые «прошарены в теме» куда больше моего, но, понятное дело, ничего кроме манги, не читают (ребята, не обижайтесь, но это правда так)? Или мне ориентироваться на так называемый *широкий круг интересующихся Японией*? Стоит ли мне, вслед за автором, попытаться описать явление *каваяи* – и вообще, подойти к вопросу с точки зрения так называемой японской традиционной культуры или с позиций современной японской (читай: глобализированной, постмодернистской) гуманитарной мысли? От какой печки вообще плясать? Когда я переводил книгу, меня не покидало ощущение, что такой же миллион терзаний бушевал и в сердце японского автора, пока он писал свой труд. «*Некавайное* это занятие – писать книгу *о каваяи*», – признается профессор Ёмота ближе к концу своего труда. Иначе говоря, «немилое это занятие – рассуждать о милоте».

Об авторе

Инухико Ёмота (р. 1953) – известный японский ученый, можно сказать, звезда. Список университетов, в которых он преподавал, впечатляет. Из японских – это Токийский университет, университет Мэйдзи Гакуин (Токио), университет Акита, университет Тоё (несколько кампусов, включая Токио, а также префектуры Сайтама и Гумма). Из зарубежных – Колумбийский, Болонский, Тель-Авивский, университет Приштины (Косово), университет Чунан (Сеул). Круг интересов профессора Ёмота достаточно широк: это сравнительное литературоведение, семиотика (семиология), история кино (при этом сам автор не любит, когда его называют кинокритиком). Инухико Ёмота – автор более сотни публикаций. Он переводил на японский язык произведения Колина Уилсона, Пола Боулза, Эдварда Саида, Питера Брукса, Махмуда Дарвиша, Пьера Паоло Пазолини и Хилды Хилст. Автор книги «Столетняя история японского кинематографа». Публиковался в журналах «Синэмагура» («Синематека») и «Джи-Эс Таносии Тисики» («Веселая наука») вместе с известными японскими «постмодернистами» Акирой Асадой (р. 1957) и Кодзином Каратани (р. 1941). В одном интервью¹ Ёмота-сэнсэй признается, что если какую-то из своих книг он и хотел бы увидеть в переводе на иностранные языки, то это как раз «Теория *каваии*». Что ж, исполняем просьбу японского профессора.

¹ Inuhiko Yomota. www.midnighteye.com/interviews/inuhiko-yomota/ (дата обращения 08.09.2017).

На подступах к каваяи

В сообществах любителей японской поп-культуры (главным образом манги и анимэ) понятие *каваяи*, безусловно, известно и употребляемо. По крайней мере, в рунете легко обнаружить статьи, дающие общее представление, о чем речь. Однако мне представляется, что само явление, называемое *каваяи*, универсально для определенного типа обществ, просто в Японии оно бытует (или бытовало – об этом ниже) в несколько более утрированной форме, нежели в других странах. Попробуем в общих чертах указать на то общее поле оценок, к которому апеллирует термин. Если выйти за пределы японо-ориентированных фанатских субкультур и вспомнить знакомые, как мне кажется, практически всем примеры *каваяи* и *кавайного* сознания и отношения к окружающему миру «у нас», то первым делом в голову приходит засилье котиков в современном фейсбуке. Это весьма заметный тренд, суть которого связана с *умилением* и *милотой*. На более общем уровне речь может идти о «ми-ми-ми-шной», сюсюкающей (преимущественно женской или детской) манере общения, которая заключается в преувеличенной склонности умиляться всему, хоть сколько-то достойному умиления. Симптоматика примерно ясна. Пока что остановимся на этом предварительном представлении, зафиксировав, что какие-то рефлекс *кавайного* сознания и поведения нам знакомы. *Каваяи* в современном мире – это *умильность*, *умилительность*, *милота*, *приятность*, а также связанное с этим желание – я специально использую современный сленг – *обуютить* (а значит, обезопасить) собственное окружение. Где-то рядом находится немного схлынувший в последнее время *гламур*, все розовое и пушистое.

Разумеется, описанная тенденция связана с определенной стадией развития обществ вообще. В Европе первые симптомы того, что впоследствии может попасть в указанный тренд, возникают в эпоху романтизма, приобретают несколько утрированные формы в рамках сентиментализма, по-своему преломляются в эпоху модерна и постмодерна. Буржуазное, богатое, позволяющее себе праздность общество может позволить себе те вещи и тот модус поведения, которые предполагают *умиление*, *изнеженность*, *негу*.

В Японии *каваяи*, японская специфичность которого под вопросом, по мнению Ёмоты, обнаруживается уже в X–XI веках, доказательством чему служит знаменитый пассаж из «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон, анализируемый в этой книге. Те или иные примеры *кавайного* мышления и взгляда на мир автор находит у Ихары Сайкаку, Осаму Дадзая и т. д., вплоть до новейшего времени. Отдельный важный вопрос, возможно, праздный и не имеющий ответа: то *каваяи*, которое связано с японским Средневековьем, и то *каваяи* (мода на *каваяи*), которое окружает японского человека конца XX – начала XXI века, – это проявления одного и того же отношения или же совсем разные вещи?

Одно обстоятельство представляется достаточно очевидным: хэйанское *каваяи*, если оно имело место – то есть осмыслялось как таковое, – было явлением внутренним, придворным, частным, куртуазным. Современное *каваяи*, специфика его возникновения и бытования, связаны с экспортом культуры, культурной экспансией, политикой «мягкой силы», проводимой Японией отчасти вслед за Америкой в XX веке. И здесь требуется краткий исторический экскурс.

Япония на протяжении всей своей истории отличается завидным умением заимствовать те или иные предметы и формы культуры у соседей, а затем «одомашнивать» импортированное и доводить его до такого состояния, что в скором времени приобретенное уже воспринимается как свое, японское, национальное, уникальное. С раннего Средневековья основными «культурными донорами» для Японии были Китай и Корея. Государственное устройство, планировка и архитектура столичных городов, система императорской власти, письменная культура, буддизм, конфуцианство и прочие достижения китайской мысли и

технологии плотно вошли в японскую плоть и кровь. За редким исключением (например, эпизод под названием «торговля с южными варварами» в XVI–XVII веках, когда в Японию завезли христианство, порох и огнестрельное оружие, каковые, правда, в то время не особенно прижились на островах: весьма ярко события этого времени описаны в романе Сюсаку Эндо «Молчание»², который недавно был экранизирован Мартином Скорсезе) положение дел в отношении культурного донорства не менялось вплоть до второй половины XIX века. С началом периода Мэйдзи (1868–1912), в ходе которого осуществлялась стремительная вестернизация Японии, вектор развития резко сменился и главными ориентирами для Японии как в культурном, так и в технологическом плане стали страны Европы и Америка. Чтобы избежать неприятной перспективы превратиться в колонию, страна должна была занять достойное («подобающее») место среди «мировых держав». После примерно двух с половиной веков изоляции (период Токугава, 1603–1868) неожиданно для себя самой и отнюдь не по своей воле Япония оказалась в новом, современном мире, в мире *modernity*. Необходимо было стремительно обучиться всему новому и попытаться пройти за пятьдесят лет тот путь, который Европа прошла за несколько веков. О стрессовом характере Нового времени для японской культуры говорит замечательный японский писатель Нацумэ Сосэки (1867–1916) в своей лекции «Развитие современной Японии» (1911):

Основной вопрос заключается в том, чем отличается современное развитие Японии от развития в общем случае. Отвечая на него вкратце, я сказал бы, что развитие на Западе (или просто развитие) происходит спонтанно и в соответствии с присущими развивающемуся объекту внутренними свойствами. В то же время развитие Японии обусловлено внешними факторами. Когда я говорю о спонтанности, о внутренней обусловленности, я имею в виду естественный процесс, происходящий изнутри, как распускание цветка. Бутоны раскрываются, лепестки лепестки. Внешне обусловленный процесс, напротив, управляется внешней силой. Можно сказать, что развитие на Западе происходит естественно и непрерывно, как движение облаков по небу или течение воды в реке. Со времен реставрации Мэйдзи развитие Японии происходит совершенно иначе. Безусловно, у любой страны есть соседи, которые оказывают на нее известное влияние. Япония не была совершенно изолирована, и ее развитие порой испытывало сильные влияния со стороны государств Корейского полуострова и Китая. Тем не менее на протяжении большей части своей истории Япония развивалась самостоятельно. Если можно так выразиться, Япония 200 лет была под наркозом, а контакт с западной культурой сбросил ее с койки. В нашей истории не было примеров влияния более сильного, чем это. Это резкий и болезненный удар по ее развитию.

Как я уже говорил, Япония, развивавшаяся до этого момента самостоятельно, была принуждена отказаться от самоконтроля и под влиянием внешней силы следовать за ней. Япония находится в этой ситуации уже 40 или 50 лет, и все это время мы испытываем постоянное неослабевающее давление внешней силы. Это совсем нелегкий внешний стимул. Мы постоянно находились под давлением и, видимо, останемся под ним на ближайшие десятилетия, а то и навечно. Если, конечно, сможем это пережить и вынести. Эту ситуацию нужно воспринимать как вынужденное развитие. Причина проста. Как я уже говорил, культурный прогресс или цивилизация на Западе, с которой мы вступили в контакт 40 или 50 лет

² 1966; рус. пер. – 2008.

назад и которую мы не можем более избегать, в десятки раз эффективнее в смысле сохранения энергии. Запад может предложить нам в десятки раз больше способов расходовать энергию на удовольствия. Возможно, это неудачное объяснение. Наше внутреннее развитие привело нас к некоторому уровню технологии. Вдруг на нас совершенно неожиданно обрушивается цивилизация, в десятки раз более развитая технологически. В силу ее давления мы вынуждены развиваться неестественным для нас способом. Поэтому развитие Японии так непохоже на безмятежную прогулку по улице³.

Тем не менее ничего не оставалось, кроме как учиться у Запада. Японские студенты (и Сосэки в том числе) отправлялись на стажировку в Европу, набирались опыта, накапливали представления о европейских странах – в результате стало понятно, что именно у какой страны целесообразнее всего заимствовать. Так, Германия явилась эталоном в области медицины и нового государственного порядка: даже здание японского парламента с архитектурной точки зрения – это копия Бундестага. Англия сыграла свою роль в строительстве дорог (в том числе железных) и левостороннем взгляде на уличное движение. Россия стала первой крупной европейской державой, над которой Япония одержала победу в своей первой «международной» войне, что не помешало русской, а также французской литературным традициям повлиять на новый японский роман. Послевоенная Америка научила японцев торговать по-новому, строить небоскребы и корпорации, слушать и исполнять джаз, играть в бейсбол.

Обладая феноменальной способностью к обучению и заимствованию иноземного опыта, японцы взяли что могли у стран Запада, но вскоре перед ними встал вопрос: «А что мы можем дать западу, чем мы можем завоевать уважение и любовь Америки и Европы?» Пристрастия и вкусы людей Запада, впервые оказавшихся в Японии, вполне укладывались в уже известную и отработанную парадигму «ориентализма» и «экзотики», известную с начала эпохи великих географических открытий, с присущей ей модой на «колониальные товары». В данном случае объектами внимания стали лаковые шкатулки, керамика, кимоно, гравюры *укиё-э*, *нэцкэ* и прочие изделия ручного промысла. Все это в том или ином объеме было с успехом вывезено и продемонстрировано широкой европейской публике на многочисленных всемирных выставках конца XIX века, благодаря чему, с одной стороны, возникла невероятная мода на Японию, но с другой – с неизбежностью обнаружился ряд искажений в восприятии. Искусство и промыслы, никогда не имевшие высокого, элитарного статуса у себя на родине, стали представлять страну для западного зрителя и потребителя.

Проблема репрезентации себя перед лицом Запада в качестве страны с уникальной культурой оставалась актуальной для Японии на протяжении XX века. Послевоенные японские технологические достижения общеизвестны и не могут быть подвергнуты сомнению. Японская техника покорила мир и стала синонимом абсолютного качества. Японская литература, особенно левого толка, переводилась в Советском Союзе, благодаря чему такие имена, как Рюносукэ Акутагава, Кобо Абэ, Кэндзабуро Оэ, заняли прочное место на полке и в сознании советского читателя иностранной литературы. С приходом эпохи визуальной культуры Япония завоевала мировые экраны своими мультфильмами. Однако вопрос о «японскости» той книжной и визуальной продукции, которую современная Япония предлагает миру, остается открытым. В конечном счете это вопрос о том, что считать японским, вопрос «традиционной культуры».

В 1983 году вышла в свет книга британского историка-марксиста и философа Эрика Хобсбаума под названием «Изобретение традиции». По мнению автора, на которого, к сожа-

³ С изменениями цитируется перевод К. Нобутоси и А. Друнина под редакцией А. Гуревича.

лению, не ссылается Ёмота, так называемые «традиции» и «обычаи» (между которыми Хобсбаум проводит четкую границу) зачастую являются искусственно созданными, а не исторически укорененными в той или иной культуре. Концепция Хобсбаума считается спорной и вряд ли может претендовать на абсолютность описания ситуации, однако нечто важное в ней уловлено. Существует ряд примеров «традиций», изобретенных и даже навязанных современной политической ситуацией: от политического ислама до политического синтоизма в Японии периода Мэйдзи. Поэтому при столкновении с неким культурным феноменом, который претендует на универсальность и историчность, мне кажется, важно учитывать склонность современников усматривать «традиционность» там, где имеет место изобретательность.

В ситуации с *кавайи*, похоже, гораздо важнее не сам феномен, но тот механизм «раскрутки», который пущен в ход при его внедрении. Япония смогла-таки сформировать и сформулировать некий образ себя, символический канон собственной репрезентации. Сакура, Фудзияма, высокоскоростные поезда, суши, гейши и самураи – как в постмодернистском фильме или романе – действуют синхронно, одновременно, без исторической привязки. Задача у всех этих вещей одна – создать привлекательный для внешнего потребителя (в рыночном смысле) образ Японии, и надо сказать, что задача эта с успехом выполняется.

Популярность Японии в конце 1990-х – начале 2000-х годов была в России рекордной и ошеломляющей. Вспомнить хотя бы мой личный опыт: мое студенчество, предполагавшее изучение японского языка, культуры и литературы, совпало, с одной стороны, с массовым открытием суши-баров в Москве, с другой – с первыми переводами Харуки Мураками на русский. Мураками-бум разразился буквально через несколько лет. Мода на японскую литературу позволила «всплыть» другим современным авторам, возможно, более «японским», чем Мураками, но не ставшим столь же популярными: однофамилец Мураками по имени Рю, Банана Ёсимото, Сю Фудзисава, Масахико Симада, Ёко Тавада и другие. Выходит двухтомник переводов японской прозы «ОН/ОНА» (М.: Иностранка, 2001). Наряду с современными авторами переиздается древняя классика и заново издается классика XX века: Юкио Мисима, Ясунари Кавабата, Осаму Дадзай, Нацумэ Сосэки, Дзюнъитиро Танидзакэ и многие другие. Выходят авторские монографии и коллективные сборники отечественных японоведов – переводчиков, историков и филологов: А. Н. Мещерякова, М. В. Торопыгиной, А. А. Долина, М. В. Грачева и других. Быть студентом-японистом и учиться в такой ситуации – все равно что оказаться в центре циклона: внутри – спокойно и комфортно, но вихрь (божественный ветер) вокруг распространяется на большое расстояние.

Помимо книг, новая волна популярности захлестывает японский кинематограф и анимацию. Такэси Китано, Мамору Осии, Хаяо Миядзакэ и еще масса имен превращаются в культурные коды, своего рода пароли, передаваемые за пределы своего, узкого круга любителей и профессионалов-японистов. Ежегодно проходит фестиваль «Японская осень»... всего не упомянуть. На волне общей популярности Японии возникают круги и сообщества любителей японских комиксов манга и японской мультипликации анимэ. *Каваяи*, как некий тренд 1990–2000-х годов, связан в первую очередь с визуальной анимэ-культурой.

Особенности жизни в современной Японии

Иностранцу, хоть как-то знающему японский язык и в первом приближении знакомому с японской культурой, реальная сегодняшняя Япония зачастую представляется раем на земле. Волшебные острова, где все уютно, чисто, правильно, упорядоченно, четко и бесконфликтно. Япония умеет очаровывать. Сочетание «древнего» (все того же «традиционного», находящегося в подвешенном состоянии по Хобсбауму) и современного поражает. Те, кто приезжает в Японию, чтобы изучать ее культуру и язык, не могут нарадоваться: все условия, все библиотеки, музеи и сама городская жизнь только способствуют. Бери и изучай. Однако приезжий, турист или стажер-исследователь едва ли в состоянии на своей шкуре испытать, какой ценой дается японцам (и показывается иностранцам) этот рай на земле.

Японское общество жестко зарегулировано. Любая жизненная ситуация предполагает четкое понимание правил игры. В этом – залог предсказуемости, а значит, возможности планирования и успешности любой коммуникации и деятельности. В крупных городах Японии практически невозможно встретить празднующего человека, даже в парке. Такое впечатление, что японец даже отдыхает планомерно, качественно, изо всех сил, старательно и так, как положено. На все проявления японской жизни накладываются рамки под названием «стыд» и «долг». Общение по-японски подразумевает необходимое качество, которое буквально переводится с японского словосочетанием «читать воздух»: имеется в виду стремление угадать мысли и настроения собеседника. Зачастую такого рода обоюдная деликатность замедляет и осложняет «разговор по существу». В любом случае понятно, что все это невероятно тяжело и сложно, и такая специфика жизни приводит к перманентному стрессу. Японское общество нацелено на бесконфликтность, поэтому одним из «громоотводов» становится та самая уютность и милота, о которой у нас шла речь вначале. Могу засвидетельствовать: общение с японцем – процесс невероятно уютный и приятный. Выражается это в жестах, интонациях, взглядах – во всех возможных вербальных и невербальных, лингвистических и паралингвистических проявлениях собеседников. Отдельно стоило бы сказать о специфических кратких разговорных формах глагольных окончаний и подобию уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые звучат крайне мило по сравнению с обычными грамматическими и лексическими формами, но погружаться в такие лингвистические тонкости было бы не слишком кавайно. Мягкость, вежливость, предупредительность, забота, чуть ли не нежность – иным словом, кавайность – буквально разлита в японской коммуникации. Всем приятно, у всех хорошо на душе, а это залог того, что общение будет успешно продолжаться.

Однако кавайность, детскость и безбидность выражаются и проявляются не только на языковом уровне. Миниатюрные вещицы, аксессуары – всевозможные невообразимые брелоки и прочие висюльки – неременный атрибут внешнего вида жителя Токио вне зависимости от пола и возраста. Брелоками, шнурочками, оберегами и ленточками увешано буквально все – от сумок до мобильных телефонов, причем последние иной раз украшены целыми гроздьями брелоков, полученных в подарок. Когда я в Токио потерял мобильный телефон и пришел в полицейский участок заявить о пропаже, мне дали анкету, в которой спрашивалось: имелись ли на телефоне брелоки? Если да, то перечислите какие. Это поможет в поиске.

Японский служащий, клерк, профессор или любое другое должностное лицо может прийти на работу в галстук с орнаментом Hello Kitty, а запонки на его манжетах могут быть в виде покемонов. Означенные детали туалета мгновенно станут поводом для комплиментов и предметом обсуждения: дескать, какой милый Танака-сан!

В одном из номеров журнала «Ниппония», который знакомит иностранного читателя с японской жизнью, был помещен небольшой, но достаточно показательный материал «При-

влекательный мир *каваии*», в котором об этом феномене рассуждают журналисты и дизайнеры. Вот самые яркие отрывки из него⁴:

Соитиро Исихара, журналист: Сегодня японцы говорят «*Кавайи!*» («Как мило!») практически обо всем, что находят привлекательным. Забавно, что мы используем одно и то же слово, говоря о манекенщице Эби-тян, борце сумо Такамисакари и юмористах из коллектива «Ангарз» («Ungirls»). Еще недавно слово «*кавайи*» считалось подходящим лишь для описания симпатичного ребенка или животного, теперь же оно расширило границы своего значения и употребляется по отношению к чему угодно. Это может привести в замешательство, но ведь, по сути, во фразах «Какой прелестный ребенок!» и «Китти – просто чудо!» (имеется в виду персонаж Hello Kitty. – А. Б.) прилагательное «*кавайи*» употребляется в очень близких значениях. <...> Еще относительно недавно взрослый человек едва ли мог произнести слово «*кавайи*», не покраснев при этом. Женщины начали употреблять это слово в разговоре с мужчинами старшего возраста всего около десяти лет назад. Теперь они даже могут сказать руководителю компании, в которой работают: «У вас такие милые (используется слово «*кавайи*») очки», – или заметить своему непосредственному начальнику: «По-моему, твой пивной животик – просто чудо».

Каеко Канно, дизайнер: И Китти, и, к примеру, мультипликационный персонаж Дораэмон оба коротконогие и пухленькие, а голова у них по размеру примерно равна туловищу. Это и делает их милыми. <...> В наши дни фраза «Прелесть какая!», слетевшая с уст женщины, которая чем-то впечатлена, кажется вполне естественной. Раньше подобные восклицания дамы держали бы при себе. Общественные ценности и понимание прекрасного коренным образом поменялись.

Кадзуюки Обата, журналист: В прошлом социальные стереотипы ориентировали человека на рост и развитие. Фоном для подобных установок служила и общая нацеленность нации на мощный экономический рост. В большей или меньшей степени Япония достигла желаемого уровня, и сегодня давление былых идеалов зрелости в поведении и речи не ощущается столь сильно. Вероятно, это одна из причин создавшейся ситуации.

Кадзуюки Обата, участвующий в этом разговоре, – скорее противник засилья *каваии*. В статье «Что скрывается за словом „каваии“?» он пишет, в частности:

Я из тех людей, которые не принимают всех этих «славных», «милых» вещей. С детства я держал дома животных, однако я не хочу быть окружен «прелестными» нарисованными зверьками. <...> Я не утверждаю, что мода на этих персонажей – это плохо или, наоборот, хорошо. Я только искренне желаю научить своего ребенка ценить прежде всего мир живой природы. Сложность в нашем случае заключается в том, что мы живем в Токио, средоточии мира *каваии*, удаленном от природной среды. Поэтому в одной из комнат дома я установил аквариум, куда запустил пойманного мной в загородной реке карася. В такой безобидной форме я выражаю свой протест против вездесущего *каваии*. К сожалению, я пока не заметил в моем ребенке интереса к самостоятельному миру природы, поселившемуся в этом

⁴ См.: web-japan.org/nipponia/nipponia40/ru/feature/index.html.

маленьком аквариуме. Может, караси недостаточно «милы»... Но сдаваться я не собираюсь – непременно попробую придумать что-нибудь еще.

Как наука может говорить о каваяи?

Коль скоро мы находимся в научно-популярном дискурсе, интересно, каким образом явление *каваяи* может быть описано с позиции гуманитарных дисциплин.

Ёмота предлагает в своей книге несколько подходов: социологический, лингво-компаративистский, сравнительно-литературоведческий. Прочтя книгу, читатель может сам удостовериться (или разочароваться) в объяснительной силе этих методов. Мне же хотелось бы наметить возможности приблизиться к пониманию феномена, не вошедшие в книгу автора: надеюсь, они увлекут читателей, среди которых, возможно, есть будущие исследователи японской культуры.

Известный лингвист Анна Вежбицкая пишет в своей книге «Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики»:

К задаче описания культуры можно подходить по-разному, но мне кажется, что один из наиболее эффективных и показательных способов ее решения состоит в том, чтобы, следуя лингвистической модели, описать «ключевые слова» (воплощающие ключевые для данного общества культурные концепты) и «грамматику культуры» – то есть интуитивные законы, формирующие особенности мышления, чувствования, речи и взаимодействия людей⁵.

Этот фрагмент взят из раздела «Японские культурные сценарии: психология и «грамматика» культуры». В нем говорится о *самоумалении* и *самоуничижении*, которые характерны для японской коммуникации. Это явно соотносится с той «компактностью», о которой идет речь в книге Ёмоты. Специфика *кавайного* общения вполне могла бы найти свое толкование в книге Вежбицкой. Странно, что об этом достаточно «ключевом» концепте не идет речи в ее исследовании. Тем не менее попытаемся описать ситуацию *каваяи* в терминах лингвистических примитивов по Вежбицкой:

Я вижу нечто *милое*.

Это нечто милое связано с некоторым участником ситуации. Он может быть носителем (обладателем) этого *милого*, либо же мы оба – внешние наблюдатели ситуации.

Я считаю необходимым сказать об этом.

Говоря об этом, я использую слово *каваяи*.

Говоря *каваяи*, я желаю выразить положительную оценку наблюдаемого объекта.

Говоря *каваяи*, я хочу вызвать приятную реакцию собеседника.

Я ожидаю адекватной реакции со стороны собеседника (соучастника ситуации).

Если собеседник – носитель (обладатель) *каваяи*, он отвечает мне благодарностью.

Если собеседник – такой же внешний наблюдатель ситуации, как и я, он реагирует на ситуацию аналогичным образом, повторяя слово *каваяи*.

⁵ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / пер. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 123.

Каваяи в русской литературе. Краткий обзор

В своей книге Ёмота рассматривает примеры *каваяи* из японской литературы. Любопытно отыскать нечто подобное в литературных традициях других стран и составить своеобразную историю мировой литературы с точки зрения *каваяи*: мысли о написании специфических историй такого рода постоянно встречаются в трудах Ролана Барта.

Буквально несколько набросков к коллективному портрету *каваяи* из русской литературы. Чеховская «Душечка». «Бедная Лиза» Карамзина. Издательства Грибоедова открывают страницу «кавайных зверюшек» в русской литературе: «Ваш шпиц – прелестный шпиц, не более наперстка! / Я гладил все его; как шелковая шерстка!» Наташа Ростова, Кити (хэллоу, Китти!), Долли (хэллоу, Долли!)... отношение Толстого к *милому*, женственному, кокетливому заслуживает специального пристального рассмотрения. Предварительный вывод: в нашей классике женская *мило*та и трогательность соседствуют, с одной стороны, с трагедийным, роковым началом, а с другой – с недостатком ума у ее обладательниц (в глазах авторов-мужчин, разумеется).

Пожалуй, самым ярким и центральным примером *каваяи* в нашей литературе можно считать набоковскую «Камеру обскуру». Роман начинается так:

Приблизительно в 1925 г. размножилось по всему свету милое, забавное существо – существо теперь уже почти забытое, но в свое время, т. е. в течение трех-четырех лет, бывшее вездесущим, от Аляски до Патагонии, от Маньчжурии до Новой Зеландии, от Лапландии до Мыса Доброй Надежды, словом, всюду, куда проникают цветные открытки, – существо, носившее симпатичное имя Чееру.

Рассказывают, что его (или, вернее, ее) происхождение связано с вопросом о вивисекции. Художник Роберт Горн, проживавший в Нью-Йорке, однажды завтракал со случайным знакомым – молодым физиологом. Разговор коснулся опытов над живыми зверьми. Физиолог, человек впечатлительный, еще не привыкший к лабораторным кошмарам, выразил мысль, что наука не только допускает изощренную жестокость к тем самым животным, которые в иное время возбуждают в человеке умиление своей пухлостью, теплотой, ужимками, но еще входит как бы в азарт – распинает живьем и кромсает куда больше особей, чем в действительности ей необходимо. «Знаете что, – сказал он Горну, – вот вы так славно рисуете всякие занятные штучки для журналов; возьмите-ка и пустите, так сказать, на волны моды какого-нибудь многострадального маленького зверя, например, морскую свинку. Придумайте к этим картинкам шуточные надписи, где бы этак вскользь, легко упоминалось о трагической связи между свинкой и лабораторией. Удалось бы, я думаю, не только создать очень своеобразный и забавный тип, но и окружить свинку некоторым ореолом модной ласки, что и обратило бы общее внимание на несчастную долю этой, в сущности, милейшей твари». «Не знаю, – ответил Горн, – они мне напоминают крыс. Бог с ними. Пускай пищат под скальпелем». Но как-то раз, спустя месяц после этой беседы, Горн в поисках темы для серии картинок, которую просило у него издательство иллюстрированного журнала, вспомнил совет чувствительного физиолога – и в тот же вечер легко и быстро родилась первая морская свинка Чипи. Публику сразу привлекло, мало что привлекло – очаровало, хитренькое выражение этих блестящих бисерных глаз, круглота форм, толстый задок и гладкое темя,

манера сусликом стоять на задних лапках, прекрасный крап, черный, кофейный и золотой, а главное – неуловимое прелестное – смешное нечто, фантастическая, но весьма определенная жизненность, – ибо Горну посчастливилось найти ту карикатурную линию в облике данного животного, которая, являя и подчеркивая все самое забавное в нем, вместе с тем как-то приближает его к образу человеческому. Вот и началось: Чипи, держащая в лапках череп грызуна (с этикеткой: *Cavia cobaja*) и восклицающая «Бедный Йорик!»; Чипи на лабораторном столе, лежащая брюшком вверх и пытающаяся делать модную гимнастику, – ноги за голову (можно себе представить, сколь многого достигли ее короткие задние лапки); Чипи стоймя, беспечно обстригающая себе коготки подозрительно тонкими ножницами, – причем вокруг валяются: ланцет, вата, иголки, какая-то тесьма... Очень скоро, однако, нарочитые операционные намеки совершенно отпали, и Чипи начала появляться в другой обстановке и в самых неожиданных положениях – откалывала чарльстон, загорала до полного меланизма на солнце и т. д. Горн живо стал богатеть, зарабатывая на репродукциях, на цветных открытках, на фильмовых рисунках, а также на изображениях Чипи в трех измерениях, ибо немедленно появился спрос на плюшевые, тряпичные, деревянные, глиняные подобия Чипи. Через год весь мир был в нее влюблен. Физиолог не раз в обществе рассказывал, что это он дал Горну идею морской свинки, но ему никто не верил, и он перестал об этом говорить.

Набоков дает краткий и исчерпывающий анализ механизма работы *каваии*. С одной стороны – мода, *милота*, трогательное очарование вымышленного зверька, при этом тут же – цинизм, вивисекция (Набоков не может не издеваться над этим символом массовой культуры), а с другой – настоящая, «реальная» (даром что тоже выдуманная автором) жизнь с ее страстями и браунингами: Набоков вводит героя – знатока живописи Бруно Кречмара, которому приходится разбирать дело о, как сказали бы сейчас, нарушении копирайта («Модный художник Кок написал портрет фильмовой артистки Дорианны Карениной. Фирма личных кремов приобретала у нее право помещать на плакатах репродукцию с портрета в виде рекламы своей губной помады. На портрете Дорианна держала прижатой к голому своему плечу большую плюшевую Чипи. Горн из Нью-Йорка тотчас предъявил фирме иск»). Параллельно в жизни Кречмара разворачивается любовная драма – он, никогда не изменявший жене, влюбляется в шестнадцатилетнюю капельдинершу из кинотеатра; ему в голову приходит даже «взять браунинг и застрелить незнакомку». Чем кончилось дело, мы помним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.